

КРИТИКА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В УЧЕНИИ А. А. БОРОВОГО

А. С. Быстров

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Поступила в редакцию 26 ноября 2018 г.

Аннотация: анализируются воззрения одного из самых ярких представителей отечественного постклассического анархизма А. А. Борового на проблемы, связанные с феноменами парламентаризма и представительной демократии. В первой части статьи раскрываются философские основы концепции анархо-гуманизма, определившие критическое отношение Борового к парламентской организации. Его учение, основанное на негативной диалектике, в своем бесконечном стремлении к идеалу обрекает общество на вечный поиск политических форм, способных удовлетворить потребности все более раскрепощающейся личности. В основной части статьи анализируются аргументы Борового против парламентаризма, условно сведенные к шести пунктам: а) классовая природа парламента и фиктивность народной воли; б) тирания большинства; в) зависимость парламента от правительства; г) партийное приспособленчество; д) лицемерная процедура выборов; е) непрофессиональный состав парламента.

Ключевые слова: парламентаризм, демократия, анархизм, государство, право, власть.

Abstract: the article discusses the views of Alexei Borovoi, one of the most prominent representatives of Russian post-classical anarchism, on issues related to the phenomena of parliamentarism and representative democracy. The first part of the article examines the basic philosophy behind the concept of anarcho-humanism, which determined Borovoi's critical attitude to parliamentarian organization. His doctrine are based on negative dialectics and the continuous pursuit of an ideal that sends the society on an eternal quest for political forms compatible with the requirements of individuals with an ever increasing degree of liberty. The main part of the article analyzes Borovoi's arguments against parliamentarism that can be summed up in the following six points: (a) the class nature of parliaments and the fictitious power of popular will; (b) the tyranny of the masses; (c) the parliament's subordination to the government; (d) the opportunism of political parties; (e) the hypocrisy of election procedures; and (f) non-professionalism of parliamentarians.

Key words: parliamentarism, democracy, anarchism, state, law, authority.

Идеология буржуазных революций предполагала, что с падением *ancien regime* народные интересы наконец-то приобрели своего долгожданного выразителя в лице парламента. И именно поэтому звание наиболее устойчивого и сбалансированного политического устройства вот уже более двух столетий сохраняется за представительной демократией. Однако с самого начала своего триумфального шествия по земному шару парламентаризм становится объектом критики для самых различ-

ных социальных течений. Еще Гегель¹ обнажил порочность этого органа на английском примере; Ницше², Спенсер³ и Милль⁴ сумели разглядеть в парламенте зачатки новой тирании, а Руссо посвятил свой знаменитый трактат⁵ невозможности выражения собственных интересов третьими лицами. Но самыми непримиримыми критиками представительной демократии продолжают оставаться анархисты, квинтэссенция учения которых выражена в ликвидации любого принудительного управления и власти человека над человеком⁶. Поэтому демократия, которая, по определению В. И. Ленина, является формой государства и «представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям»⁷, рассматривается ими лишь в качестве более изощренной формы подавления человеческой свободы. Принципиальное несогласие анархической доктрины с парламентаризмом сводится к двум основным положениям: 1) никто не может в действительности представлять интересы другого, поэтому делегирование полномочий оказывается невозможным; 2) большинство не имеет права навязывать свою волю меньшинству, даже если это меньшинство состоит из одного человека⁸.

Среди теоретиков анархизма многие знаковые фигуры уделяли повышенное внимание указанной проблеме: П. Ж. Прудон⁹, М. А. Бакунин¹⁰, П. Кропоткин¹¹ и др. Свое отражение этот вопрос нашел также в работах Алексея Алексеевича Борового (1875–1935) – одного из самых ярких представителей постклассического анархизма¹². Идейные истоки его критического взгляда на феномен парламентаризма, помимо трудов вышеуказанных классиков, восходят к персонализму А. Бергсона¹³ и синдикалистским вариациям Ж. Сореля и Р. Михельса¹⁴.

¹ См., например: *Гегель Г. В. Ф.* Английский билль о реформе 1831 года. М., 1978.

² См., например: *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. М., 2003.

³ См., например: *Spencer H.* The Man Versus The State. Idaho, 1960.

⁴ См., например: *Mill J. S.* Considerations on Representative Government. Cambridge, 2010.

⁵ См.: *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. М., 1938.

⁶ См.: *Кропоткин П. А.* Что такое анархия? // П. А. Кропоткин. 27 ноября 1842 – 9 декабря 1922 : к 80-летию со дня рождения : сб. статей. М., 1922. С. 5.

⁷ *Ленин В. И.* Собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 33. С. 100.

⁸ См.: *Marshall P.* Demanding the Impossible: A History of Anarchism. NYC, 2007. P. 23.

⁹ См.: *Прудон П. Ж.* Французская демократия (о политической способности рабочих классов). Изд. 2-е, доп. М., 2011.

¹⁰ См.: *Бакунин М. А.* Государственность и анархия. М., 2014.

¹¹ См.: *Кропоткин П. А.* Речи бунтовщика : пер. с фр. Изд. 6-е, испр. М., 2017. № 2.

¹² *Рябов П. В.* Философия постклассического российского анархизма – *terraincognita* // Преподаватель XXI в. 2009. № 3. С. 289–298.

¹³ См.: *Рублев Д. И., Рябов П. В.* Алексей Алексеевич Боровой : человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. 2011. № 2. С. 237.

¹⁴ С последними двумя Алексей Алексеевич был лично знаком и состоял в переписке (см.: РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 519).

А. А. Боровой продолжил энциклопедическую традицию отечественного анархизма¹⁵. Исключительный ум и благородство – именно за эти качества он добился признания легендарной Эммы Гольдман¹⁶. Учеба, а затем и преподавание в Московском университете, работа над диссертацией в Западной Европе, гонения, эмиграция, активная публицистическая и издательская деятельность, участие в создании политических организаций, разработка собственной философской концепции и ссылка, венчающая жизненный путь и подчеркивающая верность собственным идеалам — таковы основные вехи биографии ученого-анархиста, позволяющие оценить масштаб его фигуры. Пересмотрев парадигму анархического мировоззрения, Алексею Боровому удалось не только избежать участи оказаться затерянным в ряду многочисленных эпигонов уже упоминавшихся нами либертарных мыслителей, но и стать их достойным продолжателем.

В рамках его объемной концепции анархо-гуманизма свое место находят самые разные вопросы: свобода индивида, природа власти, антиномия личности и общества, соотношение права, законодательства и ответственности, самокритика анархизма и др. Отдельное положение в учении А. Борового занимает оценка «системы государственного устройства» и институциональных политических форм. Признание государства в качестве первого врага свободного индивида неизбежно приводит А. Борового к критическому анализу его основных «несущих конструкций» данного института. «В чем же заключается эта политическая борьба против государства?» – задает вопрос анархист в одной из главных своих работ и отвечает: «Сведенная к ее истинным размерам – это борьба против демократии: парламентаризма и политических партий»¹⁷.

А. Боровой рассматривает парламентаризм как институт, в котором не выявляются общественные интересы, а лишь соревнуются устремления нескольких наиболее активных групп населения¹⁸. Самоограничение же власти парламентским способом представляется ему вывеской, камуфлирующей разрастание властных полномочий конституционных правительств даже по отношению к абсолютным монархиям¹⁹.

Стоит оговориться, что А. Боровой не отрицает вклада парламентской идеи в становление свободного общества и расширение прав личности. Концепт равенства и признание за каждым человеком «цели в себе» неразрывно связаны, по мнению ученого, с успехами современной демо-

¹⁵ Экономист, социолог, музыкант, юрист, философ – интересы, затрагивающие самый широкий спектр гуманитарных наук.

¹⁶ См.: *Goldman E. Living My Life, Vol. Two, NYC, 1931. P. 927.*

¹⁷ *Боровой А. А. Анархизм. М., 2011. С. 82.*

¹⁸ Инвективы Борового в сторону «народовластия» затрагивают буржуазное миропредставление в целом. Данную особенность он наследует от Герцена, оказавшего на него значительное влияние (см.: *Рябов П. В. Алексей Алексеевич Боровой и Александр Иванович Герцен // Прямухинские чтения. М., 2012. 2013).*

¹⁹ См.: *Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. М., 1917. С. 27.*

кратии²⁰. Миф о золотом веке чужд А. Боровому, в этом он смыкается с М. Бакуниным, воспринимая социальную историю в виде бесконечной эволюционной дороги от животного состояния к свободному человеческому существованию, формированию которого способствовал в том числе и парламент²¹. Обращая внимание на диалектическую природу этого органа, он заявляет: «Парламент создан буржуазией. Он сыграл крупную историческую роль; в свое время служил он могучим средством борьбы буржуазии против феодальной реакции»²².

Но «времена, когда буржуазия выступала передовым борцом за права человека, прошли²³, – продолжает ученый, – обветшали знамена и лозунги»²⁴. Несмотря на то что либерализм, ее политический проводник, вырос «как живой протест личности против разнообразных форм гнета и насилий предшествовавших общественных образований»²⁵, с момента достижения политического господства она перестает относиться к парламенту как защитнику народных интересов. Происходит его перевоплощение в инструмент, исключительно способствующий сохранению status quo.

Философские основания критики

В представлении А. Борового человек является носителем динамического мирозерцания, основанного на предположении о бесконечности и непрерывности развития как его собственной природы, так и окружающего его социального мира²⁶; при этом анархизм как устремление к самоосвобождению через отрицание действительного интуитивно свойствен каждой личности и потому является не конкретным проектом социальной утопии, а универсальным горизонтом развития всего человечества. Ее высвобождение (цель и смысл анархического мировоззрения), следовательно, не мыслится в регрессивных категориях природного возвращения или неким волшебным преобразованием человеческого естества. Напротив, Боровой утверждает: «Исторический прогресс есть в то же время прогресс личности»²⁷.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 19.

²¹ См.: Боровой А. А. Михаилу Бакунину (1876–1926) : очерки истории анархического движения в России : сб. статей. М., 1926. С. 137.

²² Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 15.

²³ Речь идет о противостоянии господству аристократии и духовенства, которые на тот момент сосредоточили в себе все недостатки общества, став, по выражению Маркса, «сословиями-поработителями» и позволив на контрасте получить «положительное-всеобщее значение» противостоящей им буржуазии (см.: Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права. Введение // Собр. соч. : в 50 т. М., 1955. Т. 1. С. 426).

²⁴ Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 15.

²⁵ Боровой А. А. Личность и общество в анархистском мировоззрении. М., 1920. С. 59.

²⁶ См.: Боровой А. А. Анархизм. С. 154.

²⁷ Боровой А. А. Революционное мирозерцание. М., 1907. С. 54.

Таким образом, в основе критики парламентаризма А. Борового лежит принцип негативной диалектики: как и любой социальный конструкт, парламент рассматривается им в качестве исторического феномена, т. е. носит временный и преходящий характер (следовательно, содержащий в себе потенциальную возможность быть замененным иной формой управления общественными делами).

Человеческая история как непрестанная борьба за полноценную политическую субъектность индивида и его возрастающую свободу, по мнению А. Борового, не подразумевает остановок даже при достижении значительных успехов. Последние в противном случае перерождаются из плодов победы в закрепощающие оковы, что ученый и пытается продемонстрировать, в частности, на примере парламента. Такое видение напоминает максимум Бернштейна, выраженную известной формулой: движение – все, цель – ничто²⁸. С оговоркой, что под «ничто» понимается не малосущественность цели, а ее принципиальная недостижимость. Политическое может функционировать только как направленное к цели, поэтому движение оказывается всем: и целью, и средством²⁹.

Приведенной прогрессистской инвариантностью человеческой природы А. Боровой подчеркивает гуманистические устремления к самосовершенствованию и освобождению личности от внешних и искусственных пут, создаваемых по ее же собственной воле. При этом А. Борового невозможно упрекнуть в линейности представления об образе будущего, поскольку он воздерживается от разработки детализированной позитивной программы, вынуждая уповать на спонтанность творчества политического процесса и подсказки самой жизни. Именно последним объясняется негативное отношение А. Борового к рационализму, обозначавшему «господство абстракции», заранее предустановленный мертвый результат, своего рода намордник на многообразии и непредсказуемости человеческой экзистенции³⁰. В противовес государственным социалистам А. Боровой указывает на то, что динамика социального развития может определяться только вектором, устремленным к человеческому высвобождению. В указанном случае себя являет бесконечная «бергсоновская» процессуальность, которая оказывается приоритетнее конкретного наполнения – жизнь оказывается важнее любых схем³¹.

В итоге человек, в представлениях А. Борового, обречен на вечные поиски недостижимого идеала в попытке разрешить антиномии индиви-

²⁸ См.: *Bernstein E.* Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Hamburg, 1984. P. 201.

²⁹ Но только, если оно при этом корреспондирует максиме свободы, поскольку личность для А. Борового, даже с учетом всех зависимостей от общества, всегда оказывается prius (см.: *Боровой А. А.* Анархизм. С. 18).

³⁰ См.: *Боровой А. А.* Разум и его современные критики (к вопросу о новом человеке) // *Новь*. 1914. № 6–9. 21–24 янв. ; *Рублев Д. И., Рябов П. В.* Алексей Алексеевич Боровой : человек, мыслитель, анархист // *Россия и современный мир*. 2011. № 2. С. 221–229.

³¹ См.: *Боровой А. А.* Власть. Анархия и власть. М., 1992. С. 164.

дуального и коллективного, личности и общества, свободы и ответственности. Остановка движения, т. е. социального прогресса и прогресса политических форм, является условием наступления реакции.

Политическая критика парламентаризма

Политическую критику А. Борового в отношении парламентской организации можно разделить на следующие тезисы:

1. *Парламент – выразитель интересов отдельных групп и отдельных лиц (классовая природа парламента).*

Первым и во многом определяющим для А. Борового основанием критики, демонстрирующим логическую несостоятельность парламентского народовластия и «народного суверенитета», является классовая природа представительного органа: он является выразителем интересов отдельных социальных групп или даже индивидов, но только не всего народа. Понятие «народ» в современном обществе приобретает исключительно метафизическое значение: на его месте в действительности сосуществуют различные группы со своими подчас противоположными интересами, которые «вступают в компромиссы и заключают соглашения» только вследствие «самозащиты и крайней необходимости»³². Избранный парламент в таком случае выступает результатом некоего бескровного ристалища, где рыцарские латы и мечи сменяются бюллетенями. Несмотря на видимость консенсуальности такого исхода, в его основе остается силовая аргументация, опосредованная финансовыми возможностями соревнующихся. Она предполагает принудительное исполнение подвластными субъектами принятых решений, которые выносятся частными лицами – сильнейшими из них³³. А. Боровой подчеркивает: «Парламент – всегда насилие, всегда торжество силы над слабостью»³⁴.

Таким образом, «народный суверенитет» представляется А. Боровому лишь привлекательной фикцией: «В реальной государственной жизни действует не народ как таковой, но определенный верховный орган, более или менее удачно представляющий хаос индивидуальных волей, слагающих народ. Государство ... вытесняет «правлящий народ». Суверенитетом облечен не он, но “орган”, отражающий волю сильнейших, фактически волю господствующего общественного класса»³⁵.

Последнее утверждение обращает на себя особое внимание, поскольку борьба за парламентскую власть и ее реализацию не сводится к атомарному уровню – противостоянию частных волей. А. Боровой подчеркивает классовый характер парламента, именуя его социальным органом, в противовес политическому. «Парламент – буржуазное орудие, с помощью которого невозможно отстаивать общенародные интересы»³⁶ – резюмирует ученый.

³² Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 76.

³³ См.: Там же. С. 22.

³⁴ Там же. С. 45.

³⁵ Боровой А. А. Анархизм. С. 82.

³⁶ Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 18.

Подвергая далее сомнению сам тезис о потенциальной представляемости интересов в конструкции парламентской демократии, А. Боровой утверждает, что «народное представительство», в свою очередь, есть «понятие юридическое, а не политическое», поскольку «воля всех» или «воля народного большинства» физически представляет собой лишь «волю парламентского большинства». Таким образом, в политическом смысле мы всегда сталкиваемся с волей большинства голосующих членов парламента: «Руссо совершенно прав: нельзя желать за другого, столь же мало, прибавим и мы, как нельзя за другого есть или пить»³⁷.

Предельно сужая репрезентативные возможности парламентской организации, Боровой заключает, что со временем она и вовсе становится автономным механизмом, который начинает преследовать уже исключительно личные интересы избранных туда лиц³⁸.

Таким образом, воззрения Борового характеризуются двумя возможными оценками проблемы парламентской репрезентативности: с одной стороны, это классовый подход в его классическом смысле, а с другой – конструкция, ведущая свое начало еще от платоновского Фрасимаха³⁹: группа, обладающая властью, оказывается самодовлеющей, т. е. не представляющей никого, кроме себя самой. Такое сопричастие может показаться противоречивым, но, как демонстрирует Боровой, в действительности эти позиции динамически уживаются друг с другом. При наличии безусловной классовой природы у парламента люди, избравшиеся туда, имеют тенденцию герметизироваться в рамках своих частных интересов, разрывая непосредственную связь с классом. Так, монолитность буржуазии постепенно рассеивается, превращая господствующий класс лишь в финансово более успешную группу лиц, внутри которой с неизбежностью обостряется внутренняя конкуренция за власть.

Но даже если акты парламента соответствовали бы интересам большинства, выбравшего своих представителей на демократических выборах, возникал бы следующий вопрос: как можно охарактеризовать ситуацию, при которой существуют лица, не согласные с принимаемыми законами и оказавшиеся в меньшинстве при выборе своих представителей?⁴⁰

2. Тирания большинства.

«Критика демократии есть вместе с тем критика принципа большинства»⁴¹, именно так формулирует А. Боровой следующую инвективу в

³⁷ Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 19.

³⁸ См.: Там же. С. 14.

³⁹ См.: Платон. Государство. 2-е изд. М., 2015.

⁴⁰ «Проблема большинства» могла бы быть снята предварительным всеобщим согласием – реальным (а не воображаемым) общественным договором, устанавливающим процедуру принятия решений по тем или иным вопросам на основании мажоритарного принципа. Однако и это решение (никогда, впрочем, не реализованное) содержит в себе массу внутренних противоречий (см.: Белькович Р. Ю. Существует ли обязанность подчиняться закону? // Право. М., 2011. № 4. С. 33–51).

⁴¹ Боровой А. А. Анархизм. С. 83.

адрес «народовластия». Суть ее сводится к тому, что любые решения, получившие поддержку большинства, навязываются меньшинству против его воли – за что данная процедура справедливо именуется тиранией большинства, а парламент, таким образом, утверждается в статусе «оружия сильного против слабого»⁴². Данное обвинение имеет несколько измерений.

Прежде всего, поднимается вопрос качества решений: как справедливо отмечает А. Боровой, «большинство – может быть не право»⁴³. И действительно, в истории мы найдем массу подтверждений тому, что человечество обязано своим прогрессом именно меньшинству, чьи представители сражались с обскурантизмом масс.

Но, «...помимо соображений “правоты”, которая может чрезвычайно субъективно толковаться», отмечает анархист, «принципиальное согласие на постоянное подчинение большинству является величайшим нравственным унижением для подчиняющегося, отказом не только от свободы действий, но часто и от свободы суждений»⁴⁴. Таким образом, А. Боровой придает этическое измерение данной проблеме, которое, безусловно, является верховным судьей «принципа большинства». В качестве примера он приводит слова Л. Н. Толстого: власть 1 над 99 мы называем деспотизмом, а 51 над 49 – свободой?⁴⁵ Положение подчиняющегося оказывается равно несвободным как в случае подчинения воле одного, так и в случае власти большинства.

Сверх того, воля большинства может оказаться даже более беспощадной по отношению к несогласным, поскольку она черпает дополнительную символическую легитимацию, преобразуясь из воли конкретных властителей в «народный мандат», становится, в терминологии Руссо, «общей волей»⁴⁶.

Предвосхищая доводы апологетов современных демократий, отметим, что никакое декларирование «уважения прав меньшинств» и «неотчуждаемости естественных прав» не изменит потенциально абсолютной зависимости меньшей части от большей, поскольку в условиях мажоритарного принципа принятия решений все указанные гарантии существуют также милостью большинства. Данный механизм ни при каких обстоятельствах не позволит «несогласному» поступать по собственному разумению, что означает упразднение его свободы. Меньшинство, таким образом, низводится до статуса раба, а между «правом большинства» и

⁴² Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 25.

⁴³ Боровой А. А. Анархизм. С. 84.

⁴⁴ Там же. С. 84. С. 101.

⁴⁵ См.: Там же. С. 85.

⁴⁶ Выявление общей воли с помощью большинства возможно только при соблюдении единогласия при заключении учредительного договора (см.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. С. 92). Несоблюдение этого конституирующего условия отчетливее обнажает насильственную природу государства.

правом сильного возникает знак равенства. Отрицающее чужую свободу, «основанное на порабощении чужой воли», такое право, заключает А. Боровой, неприемлемо для анархического сознания⁴⁷.

Защитники демократии приводят еще один, апеллирующий не к логическому, а к темпоральному качеству, контраргумент, что она есть исторически признанный способ решения вопросов. Но данное утверждение, по мнению А. Борового, означает только, что подлинную демократию мир еще не знал. Прирожденного индивидуалиста⁴⁸, его беспокоит главным образом свобода личности, поэтому ни спасение от катаклизмов, ни достижение счастья большей части граждан, ни аргументы *real politics* о невозможности добиться единогласия в большом обществе не являются для ученого оправданием вышеуказанного принципа: «...эти соображения, независимо от их формальной, внешней справедливости или практичности, ничего общего не имеют с защитой «правды» или «нравственного достоинства». О свободе и, следовательно, морали не может быть и речи там, где дело идет о количественном подсчете голосов»⁴⁹. «Истинно-человеческая нравственность» не совместима с парламентом, в котором голоса считают, а не взвешивают⁵⁰ – резюмирует Боровой.

И наконец, технологическое измерение: «...мы легко убедимся, что «большинство», представляющее фикцию народовластия, в действительности, обращается всегда в правящее меньшинство – олигархию»⁵¹. Для того чтобы стать абсолютным победителем на парламентских выборах, достаточно получить большую часть голосов от принявших участие в голосовании, которое, в свою очередь, при увеличении числа воздержавшихся в реальности будет неизменно отражать только волю активного меньшинства. Таким образом «...новая демократия на место единогласия поставила начало большинства»⁵².

3. Зависимость от правительства.

Следующим актуальным обвинением А. Борового в адрес парламентаризма является зависимость законодательного органа от исполнительной власти. Даже если предположить, что счастливый случай наделяет парламент желанием реализовать свою заявленную цель по защите народных интересов, он оказывается ограничен в своей деятельности

⁴⁷ См.: Боровой А. А. Анархизм. С. 84.

⁴⁸ См.: Боровой А. А. Моя жизнь. Воспоминания // Человек. 2010. № 3. С. 137.

⁴⁹ Боровой А. А. Анархизм. С. 84.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 45.

⁵¹ Боровой А. А. Анархизм. С. 84.

⁵² Там же. С. 84. Проницательность анархистской критики демократической тирании как нельзя лучше проявились спустя совсем короткое время, когда в ряде европейских стран вполне парламентским способом власть была захвачена силами, исповедующими тоталитарную идеологию. Более того, сама идея «массовой демократии», окончательно восторжествовавшая после Первой мировой войны с падением Австро-Венгерской империи, сделала в принципе возможным существование таких одиозных «народных» режимов, как фашизм, нацизм и др. (см.: Нопре Н.-Н. Democracy. The God That Failed, NJ, 2001. P. 11).

исполнительной властью, «становится ее придатком»⁵³. Очевидно, что в меньшей степени это касается парламентских республик или монархий, где полномочия по формированию правительства предоставляются победившей на выборах партии или коалиционному большинству. Но автоматическое превращение из парламентария в исполнителя законов трансформирует и психологию законодателя в начальника, целью которого становится не отстаивание интересов доверителей в противостоянии с государством, а, наоборот, примирение их с этим механизмом.

«Парламент далеко не есть слуга народа, оберегающий его вольности против тиранических поползновений правительства, а есть сам – правительство, сам – орган государственной власти»⁵⁴. Таким образом, А. Боровой полагает парламент и представительство не отдельными институтами специфической ветви власти, а частью единого государственного механизма, который не имеет самостоятельного политического веса. Будучи обязан решать общественные проблемы, он на деле всегда становился частью государственного насилия. «Конституционное правительство наших дней является безответственным деспотом, неограниченным владыкой, перед которым стирается в прах “народная воля”, представляемая парламентом, и который разливает благодеяния вдохновляющему классу, беззастенчиво угнетая в то же время другие группы»⁵⁵, – пишет А. Боровой, сталкивая интересы личности и формально зафиксированные в общественной практике институты, являющиеся на поверку лишь более изощренным способом угнетения.

4. *Партийное приспособленчество.*

Вслед за этим А. Боровой обрушивается и на партийную деятельность. Указанную политическую форму организации он называет инструментом буржуазно-капиталистической социализации, средством адаптации к «однородной дисциплине» существующего режима: «Партия становится аппаратом приспособления к государственно-правовому строю»⁵⁶.

Она оказывается воплощением бюрократии в самом негативном значении данного понятия, символизируя свое рода «власть экспертов» – тиранов от рационализма, от которой А. Боровой всячески заклинал общественное развитие, утверждая бакунинский логос жизни, торжествующий над схоластикой, сциентизмом и догматизмом. Для нашего героя указанное противопоставление является частным случаем оппозиции «живое и мертвое»⁵⁷, интерпретацией бергсоновского «живого духа», противостоящего «мертвой материи».

В партийной борьбе осуществляется полное забвение революционных задач. Представительный орган прививает тормозящее перестроечную

⁵³ Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 26.

⁵⁴ Боровой А. А. Анархизм. С. 82–83.

⁵⁵ Там же. С. 84–85.

⁵⁶ Там же. С. 92.

⁵⁷ Одна из работ А. А. Борового именно так и называется «Разговоры о живом и мертвом» (см.: Рябов П. В. «Былое и думы» Алексея Борового // Человек. 2010. № 3. С. 132).

способность социального мира, долготерпение, которое требует от народа только одного умения – опускать раз в несколько лет бюллетень в урну. Для победы на выборах радикальным партиям необходимо бороться в том числе и за голоса «колеблющихся», что вынуждает социал-демократов усмирять свой революционный пыл, подстраиваясь к средним значениям⁵⁸. В качестве примера Боровой приводит французский парламент, в котором революционеры постепенно перенимают программу реформистов: «И новейшая парламентская история Франции дала бы нам достаточно доказательств тому, как социалистическая партия, мирно работая с буржуазией, покрывает и все ее преступления»⁵⁹. Впоследствии Г. Маркузе назовет такое положение, при котором декларирующие свою оппозиционность партии на деле выступают лишь сателлитами текущего порядка, «обществом без оппозиции»⁶⁰.

5. Процедура выборов.

Как отмечал еще Н. Макиавелли, для победы в выборах нужна «удачливая хитрость»⁶¹. А. Боровой обвиняет либеральную политику в лицемерии, поскольку она закрывает глаза на несправедливость и рабство других, растворяясь в самообмане парламентских процедур. «Вся парламентская жизнь построена на подкупе, насилии и лжи»⁶². Основным предметом критики в данном случае становится сам процесс выборов⁶³, в ходе которого наружу лезут хитрости и лживые обещания, в одночасье забывающиеся после окончания избирательной кампании⁶⁴.

Следует оговориться, что выводы А. Борового в данном случае не страдают ни локальной тенденциозностью, ни абстрактными рассуждениями. Западный опыт позволяет выявлять общие черты всех избирательных кампаний: «Не могу без чувства глубокого отвращения вспомнить те картины, которые приходилось мне лично наблюдать на предвыборных муниципальных собраниях в Париже... здесь в миниатюре можно было видеть тот же разгул низменных инстинктов, что разгорается бешеным пламенем периодически в любой парламентской стране»⁶⁵.

Какие-либо декларации преобразовать эту процедуру, по мнению А. Борового, всегда оказывались безуспешными. Например, попытка сделать выборы действительно всеобщими и равными через расширение избирательного права в Англии в 1867 г. привлекла к политической жизни бедняков, для которых выборный процесс лишь «нарядная фикция», что позволило еще более распространиться подкупу и продажности голосов. А введенное в той же Англии тайное голосование (ballot act 1872)

⁵⁸ См.: Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 61.

⁵⁹ Там же. С. 62.

⁶⁰ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.

⁶¹ Макиавелли Н. Государь. Искусство войны. М., 2014. С. 53.

⁶² Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 30.

⁶³ См.: Там же. С. 32.

⁶⁴ См.: Там же. С. 31.

⁶⁵ Там же. С. 35.

лишь понизило цену на голоса из-за невозможности проконтролировать подкупное обещание⁶⁶.

6. *Непрофессиональная организация.*

Заключительную проблему парламентаризма А. Боровой обнаруживает в его непрофессиональной организации.

Вопрос о неэффективном правлении непрофессионалов поднимался еще античными мыслителями⁶⁷. По сути, этот пункт можно свести к следующему тезису: если не удастся добиться самоуправления, то править должны, по крайней мере, лица, компетентные в этом деле. Представителей для того и выбирают, предполагая их большую компетентность и готовность посвящать интересам народа основную часть своего времени, чтобы они могли достойно представлять интересы общества. То есть занимающие такие должности должны быть лучшими людьми во всех смыслах, теми, кому доверяют общественное дело. Но на поверку, утверждает А. Боровой, оказывается, что эти люди мало того что заботятся исключительно о собственных интересах, так еще и оказываются совершенно безграмотны в профессиональном отношении. Он называет их «дилетантами, призванными управлять страной», поскольку «управление судьбами целого народа есть бесконечно более сложная отрасль знания, чем та, которой до сих пор посвящали они свои силы»⁶⁸.

Однако, несмотря на критику непрофессионализации парламентского состава, А. Боровой в то же время предостерегает от профессионализации правителей в смысле всепоглощающего рационального принципа технократии, располагающегося в одном шаге от так называемой «тирании экспертов», извращающей сам принцип творческой экзистенции посредством навязывания не только правил и средств удовлетворения социальных потребностей, но и самих желаний подвластным группам, к чьим реальным жизням класс выборных чиновников не имеет прямого отношения. В таком случае «представительство становится профессией»⁶⁹ в инверсивном смысле, когда правят не лучшие или наиболее подходящие по своим моральным и профессиональным качествам, но самозванцы, не имеющие никакой другой специализации. Отсутствие возможности верификации принимаемых решений со стороны создает исключительную герметичность функционирования этой группы – ее самоназначаемость и бесконечный простор для произвола. Во многом указанные рассуждения предвосхищают более поздние тезисы Франкфуртской школы о специфическом типе господства рациональной бюрократии⁷⁰.

⁶⁶ Там же. С. 38.

⁶⁷ См., например: Платон. Законы. М., 2001.

⁶⁸ Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 52.

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 49.

⁷⁰ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003.

Итак, детальная и продуманная критика парламентаризма⁷¹, предложенная А. А. Боровым на заре XX в., оказавшись во многом пророческой, остается злободневной и по сей день. Как и 100 лет назад, демократическое представительство сохраняет значительные противоречия между декларируемыми целями политического устройства и механизмом их реализации. Классовый характер парламента, глубокие разногласия в обществе, подавляемые (но не снимаемые) сотыми долями процентов голосов, формирующих «большинство», селективный характер отбора кандидатов, партийный оппортунизм, массовая миграция в законотворцы представителей шоу-бизнеса и др. свидетельствуют об увеличивающейся пропасти между заявленным «народным суверенитетом» и его практическим воплощением. Безжалостный и не тенденциозный анализ современного демократического миропорядка, представленный А. А. Боровым, стимулирует общество к дальнейшему поиску политических форм, соответствующих вечно эволюционирующей человеческой природе⁷².

В современном технологическом обществе, позволяющем уместить полноценное политическое участие в электронный гаджет, все более нарастают дискуссии об альтернативных формах политического участия (к примеру, партиципаторной демократии). Очевидно, что ригидные властные институты, традиционные механизмы принятия решений, основанные на ограниченности знаний обывателя, строгие профессиональные рамки парламентариев, судей, чиновников – все эти факторы стабильности правовых систем не выдерживают ударов современных технологий. Необходимо вновь и вновь обращаться к опыту критической теории, направленной на устоявшиеся политические конструкции, чтобы найти основания общественного устройства, отвечающего запросам нового времени и нового человека.

Способность критически подходить к институтам, вокруг которых создается видимость всеобщей конвенциональности, демонстрируемая А. Боровым, есть необходимый фактор человеческого развития, возможность трансцендирования собственной ограниченности в рамках текущего порядка. Алексею Алексевичу удалось обобщить имеющуюся крити-

⁷¹ Возможное преодоление порочного характера парламентаризма А. Боровой видит в «новых формах законодательства»: «учредительном конвенте» и «непосредственном голосовании» (Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 28.), а также консолидированный синдикализм, переродившейся из современных капитализму форм пролетарской самоорганизации (см.: Быстров А. С. Политико-правовые взгляды А. А. Борового (анархо-гуманизм) // Правоведение. 2016. № 6. С. 203).

⁷² «Если мы будем рассматривать историю человеческого общества как процесс развития личного творческого начала, мы сделаем одно ценное и бесспорное наблюдение: чем более приближаемся мы к нашему времени, тем большие массы людей являются пред нами в роли сознательного творческого агента» (Боровой А. А. Революционное творчество и парламент. С. 10).

ку представительной демократии, синтезировать ее особенным образом в рамках собственной анархической концепции, не оставив без внимания и возможные альтернативы, и пути преодоления недостатков современной политической организации. Многие из его выводов опередили свое время на десятки лет. В его работах мы обнаруживаем вопросы и тезисы, которые стали впоследствии частью многих знаковых теорий XX и XXI в.: теории масс Ортеги-и-Гассета, дисциплинарной теории власти Фуко, критической теории неомарксистов и т. д.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

*Быстров А. С., ассистент кафедры теории и истории права
E-mail: abystrov@hse.ru*

National Research University «Higher School of Economics»

*Bystrov A. S., Assistant of the Theory and History of Law Department
E-mail: abystrov@hse.ru*